Феофана, поборника и провозвестника великих трудов и преславных дел обновителя и просветителя России Петра Великого».[20] Создание такого перечня, как представляется, является следствием установления образования нового типа, не только светского, но и духовного. Как и в западноевропейской школе, позднеантичной и средневековой, такие перечни образцовых авторов не могут быть большими. Разумеется, со временем состав таких перечней мог меняться, и он менялся. Но какие-то авторы остались в нем и по сей день. А в этих очерках XVIII века отражено формирование в сознании современников писательских репутаций, в том числе и собственно писательского самосознания. Конечно, создание пантеона отечественных авторов не ограничивалось только биографическими предисловиями к изданию их трудов. Этому способствовали также некрологи и эпитафии, появлявшиеся сразу после кончины писателя.[21] Но это могла оказаться временная слава, тогда как биографические предисловия закрепляли не только репутацию, но и статус писателя в национальной литературной культуре.

Слово «биография» войдет в русский язык только в конце XVIII века (первая фиксация — 1784 год; 1786 год — виография). По этой причине мы находим в изданиях избранных покойных авторов «житие», «описание жизни», «сказание», «жизнь», «повесть о жизни». Вот эта неустойчивость употребления подтверждает, как кажется, предположение, что уже в первой половине XVIII века предпринимаются попытки формирования национального пантеона почитаемых писателей.

---

[20] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. 1. С. ненум.

[21] См.: *Николаев С. И.* Смерть поэта в эпитафии и элегии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 291–297.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-30-39

© *Е. С. Левшина*

КРУГ ЧТЕНИЯ МОЛОДОГО И. С. АКСАКОВА (ПО НЕОПУБЛИКОВАННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ)*

В биографии Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) остается все меньше лакун. Исследователи нередко обращаются к его поэтическому творчеству 1850-х годов. Но не меньшее внимание уделяется 1860–1880-м годам, когда Аксаков — влиятельный публицист, возглавивший славянофильское движение после ухода из жизни братьев Киреевских, А. С. Хомякова и К. С. Аксакова; корреспондент И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского; автор образцового для своего времени литературоведческого труда о Ф. И. Тютчеве — его тесте (1874).[1] Однако нужно признать, что ранний период жизни Аксакова изучен недостаточно, а проблеме формирования его круга чтения в юношеские годы пока не уделялось специального внимания.[2]

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01115, https://rscf.ru/project/25-18-01115/, в ИРЛИ РАН.

[1] См.: Иван Сергеевич Аксаков: Библиографический указатель (1836–2014) / Сост. П. И. Федоров, С. В. Мотин. Уфа, 2014; Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества: [В 6 вып., 12 ч.]. Уфа, 2010–2015; Литература о семье Аксаковых (библиографический указатель за 1940–2017 годы) / Сост. Е. С. Корионова, П. И. Федоров. Уфа, 2017; Аксаковы: Библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / Сост. П. И. Федоров, С. В. Мотин. Уфа, 2017.

[2] О молодости Аксакова, его жизни в Петербурге см.: *Манн Ю. В.* 1) Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М., 1992. С. 232–245; 2) Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016. С. 450–456; *Тесля А. А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015. С. 11–21. О восприятии творчества А. С. Пушкина и «литературно-эстетических приорите-

Реконструкция процесса взросления Аксакова, формирования его личности, взглядов, литературных предпочтений становится возможной благодаря обращению к семейной переписке Аксаковых, изучение и публикация которой необычайно активизировались в последние годы.[3] Особенный интерес представляет хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома эпистолярное наследие 1836–1841 годов[4] — периода, когда сыновья Сергея Тимофеевича — Григорий, Иван, Михаил — один за другим покидали дом, уезжали в Санкт-Петербург и в течение нескольких лет находились в стенах учебных заведений. Отрыв от семейного круга, в разной степени трудный для каждого из юношей, порождал обширную регулярную переписку, прежде всего, конечно, с родителями.

Главными источниками для освещения интересующей нас темы являются до сих пор не опубликованные письма И. С. Аксакова: к брату Григорию из Москвы в Петербург, к родителям и брату Константину, в основном из Петербурга в Москву; корреспонденция Г. С. Аксакова из Петербурга родным в Москву (начиная с 1838 года, когда Иван поступил в Императорское училище правоведения); письма К. С. Аксакова к братьям в Петербург и послания родителей к сыновьям. Встречающаяся в семейной переписке информация дает возможность отчасти осветить подростковые годы И. С. Аксакова (1836–1837) и время, проведенное в училище, в том числе охарактеризовать его круг чтения и наметить круг знакомых, помимо родственного. Часть писем петербургского периода уникальна благодаря содержащейся в них авторефлексии. Исследователи имеют возможность познакомиться со взглядами Аксакова на самого себя или, используя сказанные им уже в 1885 году слова, с тем, «что касается <...> внутреннего мира, нянчиться с которым так любишь в юности (сужу по себе)!».[5] Характер, наклонности, способности, желания, карьерные устремления и перспективы, взаимоотношения с обществом — вот далеко не полный список вопросов, беспокоивших молодого человека в конце 1830-х годов. Перечисленные вкратце источники хотя не отражают напрямую влияние славянофильских воззрений на Аксакова, однако проливают свет на обстоятельства, которые подготавливали почву для усвоения и дальнейшего развития подобного рода идей.

Повторимся, что экстраординарное для семьи событие — отъезд Г. С. Аксакова в Петербург в январе 1836 года — вызвало многократное увеличение объема частной переписки: родители и все дети, овладевшие грамотой, регулярно отправляли послания в ответ на его аккуратную обстоятельную корреспонденцию. Вполне естественно, что главными адресатами писем Г. С. Аксакова (1820 г. р.), помимо родителей, были старший брат Константин (1817 г. р.) и сестры-погодки — Вера и Ольга (1819 и 1821 г. р.); к двум братьям и маленьким сестрам он обычно обращался лишь в нескольких последних строках. Конечно, 16-летний Григорий не считал 12-летнего Ивана равным себе, тогда как последний охотно рассказывал брату о своем домашнем обучении и уроках остальных детей, о наставниках и предметах.

Отъезд Г. С. Аксакова не только взбудоражил семейство, но и напомнил о необходимости скорого устройства И. С. Аксакова в казенное учебное заведение. Вероятно, его систематическое образование началось именно в этот период. Из взволнованного обращения к отцу от 31 января 1836 года мы узнаем о его занятиях: «Милый отесинька, я очень рад, что я через год вступлю в Училище правоведения. Маминька хочет,

---

тах» Аксакова см.: *Вихрова Н. Н.* 1) Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181; 2) Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Там же. 2011. № 2. С. 173–183.

[3] См.: *Дмитриев А. П.* С. Т. Аксаков и его сыновья о вооруженном противостоянии России и Запада // Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция. Из архивных разысканий. СПб., 2023. С. 6–7.

[4] Эти материалы отложились в отдельном фонде (ИРЛИ. Ф. 3). Далее ссылки на них приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках описи, единицы хранения и листов.

[5] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Училище правоведения начала 1840-х годов в свете итогов судебной реформы 1864 года (по переписке И. С. Аксакова и К. П. Победоносцева 1885 года) // Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция. С. 46.

чтоб я через год вступил бы в 4 класс, не знаю, могу ли я. Я еще вовсе не учил Закон Божий, немного знаю из географии и истории, а из латинской грамматики только учу глаголы. Белов говорит, что очень мало заниматься один раз в неделю арифметикой» (Оп. 12. № 61. Л. 2 об.). Письмо от 25 января 1836 года к К. С. Аксакову, который отправился в Петербург вместе с отцом и братом Григорием, демонстрирует живую заинтересованность мальчика в учебе как таковой в сочетании с трогательным детским рвением: «Скажи, милый Костя, был ли ты в университете? Какая разница между Московским и Петербургским? 15 генваря в нашем начались лекции. Скажи, должен ли я все повторить из латинской грамматики, что выучил. Ныне же выучу новый латинский глагол» (Оп. 12. № 14. Л. 1).

Судя по письмам, в постижении иностранных языков И. С. Аксаков делал серьезные успехи. Занимаясь дома латинским под руководством филолога-классика И. А. Коссовича (в будущем — автора двухтомного «Греческо-русского словаря» (1848)), уже в октябре 1836 года он закончил переводить сборник басен Федра, затем приступил к «Буколикам» Вергилия (см. письмо И. С. Аксакова к Г. С. Аксакову, предположительно датируемое октябрем 1836 года: Оп. 16. № 15. Л. 1). В этот же период преподавателем И. С. Аксакова по русскому языку был Н. И. Греч, использовавший в качестве пособия свою «Пространную русскую грамматику» (1827). Помимо всего прочего, он задавал ученику «переводить с французского трудные статьи» и обучал греческой истории (Там же. Л. 1 об.). Впоследствии иностранные языки и история, в том числе классическая, будут предметами особого увлечения юноши.

Спустя год с небольшим 14-летний И. С. Аксаков с головой был погружен в учебу — готовился к вступительным экзаменам в Училище правоведения. В письмах от 25 октября и 10 ноября 1837 года он сообщил Г. С. Аксакову, что ему «взяты» все учителя и общее количество преподавателей для всех детей — 11, на занятия они приходили 23 раза (см.: Оп. 16. № 19. Л. 5 об., 7). И. С. Аксаков занимался математикой, географией, историей, Законом Божиим, русским и иностранными языками — немецким, французским и латинским. Уроки немецкого и латинского проводились четыре раза в неделю немцем по фамилии Клин. По словам будущего писателя, они приносили ему двойную пользу: «Клин не понимает по-русски, следовательно, объясняюсь я с ним по-немецки, и он заставляет меня переводить с немецкого на латинский и с латинского на немецкий. Впрочем, что умею я переводить на немецкий, умею переводить и на русский». В частности, он переводил исторические сочинения Корнелия Непота (Там же. Л. 5 об.; письмо от 25 октября 1837 года).

В Петербурге И. С. Аксаков продолжал совершенствоваться во владении языками. Уровень преподавания латинского и греческого в училище его не удовлетворял, о чем неоднократно сообщалось в письмах 1840 года. Желая улучшить ситуацию, он и занимался самостоятельно, и искал наставников. С латинским языком ему одно время помогал соученик князь Георгий Львов: вместе они «определили прочесть *всего* Тита Ливия», работая ежедневно по часу; также юноша читал Цицерона (см. письмо И. С. Аксакова к С. Т. Аксакову; около 21 января 1840 года: Оп. 12. № 17. Л. 3 об. — 4; письмо Мих. С. и И. С. Аксаковых к С. Т. и О. Сем. Аксаковым; 3 января 1840 года: Оп. 12. № 42. Л. 7 об.). Заниматься греческим он хотел раз в неделю, по воскресеньям — искал «какого-нибудь бедного ученого немца, или студента, или семинариста». Однако места для проведения уроков не было, и намерения эти не удавалось воплотить в жизнь (см. письма И. С. Аксакова к О. Сем. Аксаковой, датируемые 3, 10–11 августа, 15, 29 сентября 1840 года: Оп. 15. № 13. Л. 2–2 об., 4, 7, 8). Тем не менее И. С. Аксаков систематически изучал греческий язык и даже приобрел на данные отцом деньги недешевое издание (стоившее 35 рублей) — «Словарь греческого языка»[6] Ф. Пассова (см. письмо И. С. и С. Т. Аксаковых к О. Сем., О. Серг., К. С. Аксаковым; 6 октября 1840 года: Оп. 15. № 20. Л. 5).

---

[6] Впервые: Johann Gottlob Schneider's Handwörterbuch der griechischen Sprache: nach der dritten Ausgabe des grössern Griechischdeutschen Wörterbuchs mit besondrer Berücksichtigung des Homerischen und Hesiodischen Sprachgebrauchs und mit genauer Angabe der Sylbenlängen / Ausg. von F. Passow. Leipzig, 1819–1823. Bd 1, 2. Четвертое издание: Handwörterbuch der griechischen Sprache / Von F. Passow. Leipzig, 1831. Bd 1, 2.

Как видно из переписки, постижение языков не только увлекало И. С. Аксакова и требовалось ему из практических соображений, но и подогревалось присущим молодому человеку честолюбием. Так, он сообщал отцу: «Я решил заниматься особенно латинским языком, во 1-х, потому, что у нас чрезвычайно мало его учат, из какого-нибудь автора в год перевести глав 25 и кончено. Во 2-х), так как я *думаю* по крайней мере посвятить себя занятиям вообще, то латинский язык мне всегда будет нужен; в 3-х), досадно слышать, что все, которые воспитывались в остзейских училищах или в германских школах лучше знают по-латыни и пр.» (письмо написано около 21 января 1840 года: Оп. 12. № 17. Л. 4–4 об.). Но все же главным стимулом к учению для 16-летнего И. С. Аксакова были знания как необходимое средство для достижения задуманного, а не как способ наведения внешнего лоска или возможность произвести впечатление: «Я люблю занятия, но занятия более живые, изучение, где можно было бы обхватывать весь предмет. Но всё это только в мечте, захочешь привести в исполнение, то выходит не так. Надо сперва учиться и выучиться. Есть такие мелкие стороны труда, такие несносные. Надо иметь много силы воли при занятиях. Прежде, чем читать на каком-нибудь языке, надо ему выучиваться, искать слова, учить их. Все это, разумеется, воодушевляется мыслию о цели, но можно ли всегда находиться в таком состоянии: сила воли много, много значит» (Там же. Л. 4 об.).

Складывается впечатление, что латинский и греческий языки давались И. С. Аксакову довольно легко, равно как и французский. Живя в Петербурге и регулярно посещая дом тетушки Н. Т. Карташевской, Иван и Григорий имели возможность «тренироваться» во французском благодаря визитам к двоюродным братьям учителя-француза, приходившего по воскресеньям «для разговоров» (см. письмо Г. С. Аксакова к О. Сем. Аксаковой от 24 февраля 1839 года: Оп. 12. № 6. Л. 47–47 об.). Предположим, что английским языком будущий писатель владел недостаточно свободно. Так, в послании от 2 октября 1838 года (Там же. Л. 29–29 об.) Г. С. Аксаков рассказал родителям, что купил английский словарь для брата, который начал читать труд В. Скотта по истории Шотландии и Франции «Рассказы дедушки» («Tales of a Grandfather»; 1827–1830); кроме того, в семейной переписке не говорится об изучении И. С. Аксаковым английского.

Прогресс в овладении иностранными языками позволял ему знакомиться с произведениями европейских авторов на языке оригиналов или в переводах на французский. С ранних лет он интересовался историей, и в письмах часто упоминаются исторические сочинения — прочитанные или намеченные к прочтению. Безусловно, на литературные предпочтения И. С. Аксакова оказывали определяющее влияние отец и старшие братья, но у него быстро формировались и собственные вкусы, взгляды на тот или иной предмет, которыми он делился со своими корреспондентами. Например, еще в 1837 году на деньги, подаренные на день рождения, он купил труд историка романтического направления, одного из основателей французской историографии О. Тьерри «История нормандского завоевания Англии» («Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands de ses causes et de ses suites jusqu'a nos jours en Angleterre, en Écosse, en Irlande et sur les continent»; 1825); сделал он это по совету брата Константина и немного снисходительно рекомендовал Григорию: «Тебе хорошо было бы это прочесть» (письмо И. С. и О. Серг. Аксаковых к Г. С. Аксакову от 10 ноября 1837 года: Оп. 16. № 19. Л. 7 об.).

В 1840 году, по-прежнему увлекаясь историей Западной Европы, И. С. Аксаков приобрел или где-то «достал» «Историю герцогов Бургундских из дома Валуа» («Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois. 1364–1477»; 1838) барона П. де Баранта, «Картину революций в политической системе Европы с XV века» («Tableau des révolutions du système politique de l'Europe depuis la fin du quinzième siècle»; 1803–1805) прусского государственного деятеля, историка и философа Ф. Ансильона. В этом же году из дома ему была прислана, видимо, «История евреев: от разрушения Иерусалима до наших дней» («Histoire des Juifs: depuis la destruction de Jérusalem jusqu'a ce jour: offrant le tableau de la dispersion, des malheurs et persécutions, de l'existence morale, religieuse et politique de cette nation, chez les divers peuples de la terre,

depuis le commencement de l'ère chrétienne jusqu'au dix-neuvième siecle»; 1826) Ш. В. Мало; получив эту книгу, И. С. Аксаков высказал матери горячую благодарность. Осознавая катастрофическую нехватку времени, он все же собирался прочесть и «Историю Реформации, Лиги и правления Генриха IV» («Histoire de la Réforme, de la Ligue et du règne de Henri IV»; 1834) Ж.-Б. Капфига — писателя, монархиста и ультрамонтанца, и «Историю французской революции» («Histoire de la Révolution française»; 1823–1827) первого президента Третьей республики, историка А. Тьера. Несмотря на широкий хронологический охват этих сочинений, «самым любопытным временем в истории Западной Европы, да и у нас» И. С. Аксаков считал XVI и XVII века.[7]

Усердно изучая латинский и греческий во время пребывания в Училище правоведения, будущий писатель уделял немало внимания немецкоязычным исследованиям по античной истории и культуре. Судя по всему, он свободно владел этим языком и, по его собственным словам, занимался немецким в училище «более всех русских» (Оп. 12. № 42. Л. 1–1 об.). В одном из писем к брату Константину им был намечен план прочтения книг по указанной теме. В октябре 1840 года, во внеурочное время, И. С. Аксаков штудировал «Учение о богах или мифологические печати древних» («Götterlehre: oder Mythologische Dichtungen der Alten»; 1791) — сочинение философа-классициста К. Ф. Морица, в котором предпринималась попытка дать целостное описание греческой мифологии. Затем он хотел приступить к «Справочнику по археологии искусства» («Handbuch der Archäologie der Kunst»; 1830) исследователя древностей К. О. Мюллера, потом — к «Символизму и мифологии древних народов, особенно греков» («Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen»; 1822) философа и археолога Г. Ф. Крейцера. Наконец, по рекомендации К. С. Аксакова он намеревался найти «Историю искусства древности» («Geschichte der Kunst des Alterthums»; 1764) основоположника научного изучения античного искусства и археологии И. И. Винкельмана.[8] Напомним, что все эти книги И. С. Аксаков читал или держал в поле зрения фактически одновременно с многочисленными работами по истории Западной Европы.

И. С. Аксаков обращался к исторической литературе и на русском языке: например, к сочинению грузинского царевича Давида Багратиони «Краткая история о Грузии со времен первого во оной населения» (1805). Кроме того, он с нетерпением ждал присылки труда Н. С. Арцыбашева «Повествование о России» (1838–1843), издававшегося московским Обществом истории и древностей под наблюдением М. П. Погодина. Добавим, что в семье Аксаковых знакомство с отечественной историей, равно как и географией, ботаникой, стремились начать с раннего возраста. В 1830-е годы, помимо книг о путешествиях (например, ученого-энциклопедиста и естествоиспытателя П. С. Палласа), «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, популярным детским чтением стали книги А. О. Ишимовой «История России в рассказах для детей» (1837–1840).[9]

Естественным следствием интереса к родной истории были попытки И. С. Аксакова разыскивать в книжных лавках Петербурга древнерусские литературные памятники — вероятно, сперва под впечатлением от корреспонденции брата Константина, увлеченно готовившегося к магистерскому экзамену в университете.[10] В письмах Иван

---

[7] Подробнее о вышеперечисленных книгах см. в письмах И. С. Аксакова к О. Сем. Аксаковой от 29 сентября, 10 ноября 1840 года: Оп. 15. № 13. Л. 8, 9–9 об.

[8] Подробнее о названных изданиях см. в письмах И. С. и С. Т. Аксаковых к О. Сем., О. Серг., К. С., С. Т. Аксаковым от 6 и 27 октября 1840 года: Оп. 15. № 20. Л. 5, 6 об.

[9] См. письма И. С. Аксакова к О. Сем. Аксаковой от 10 ноября 1840 года (Оп. 15. № 13. Л. 9), к К. С. Аксакову от 3 августа 1840 года (Оп. 9. № 7. Л. 2 об.); а также письма Г. С. Аксакова к К. С. и В. С. Аксаковым, предположительно датируемые апрелем или маем 1836 года (Оп. 9. № 4. Л. 26 об.), и к С. Т. и О. Сем. Аксаковым от 17 февраля 1838 года и 1–2 мая 1841 года (Оп. 12. № 6. Л. 8 об.).

[10] Так, К. С. Аксаков в декабре 1839 года писал братьям: «Я очень благодарен этому экзамену, потому что, по случаю приготовления к нему, я узнал то, о чем и не подозревал и открыл (для себя, по крайней мере) такие сокровища в древней и средней русской литературе, о которых прежде и понятия не имел. Очень, очень благодарен этому приготовлению <...>: некоторые (и мно-

рассказывал о своих приобретениях: покупке списка Стоглава, который, к его огорчению, оказался копией XIX века;[11] издания Кенигсбергского (Радзивиловского) списка «Повести временных лет»;[12] первых двух частей «Русской летописи по Никонову списку»;[13] одного из томов «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова.[14] Интересовался И. С. Аксаков сборником былин, исторических, лирических песен, духовных стихов Кирши Данилова и чаял получить его в апреле 1840 года от И. И. Панаева (см. письмо И. С. Аксакова к С. Т. и О. Сем. Аксаковым от 21 апреля: Оп. 12. № 6. Л. 1–1 об.), а также документами не столь отдаленных дней. Так, обращаясь к матери, он пообещал списать и прислать «прекрасно написанное» послание М. М. Сперанского из ссылки к императору Александру I 1813 года (возможно, пермское письмо, впервые изданное в 1892 году[15]), которое незадолго до того приносил отцу и скопировал для него (см. письмо И. С. Аксакова к О. Сем. Аксаковой от 10 ноября 1840 года: Оп. 15. № 13. Л. 9). Вдобавок, еще живя в Москве, мальчик посредством газет начал следить за внешнеполитическими новостями, а Г. С. Аксаков, находясь в столице, сообщал ему о некоторых европейских событиях: о смерти французского короля Карла X 6 ноября 1836 года, о появлении в Англии Людовика XVII и ожидании во Франции «новой междоусобной войны», о ложности слухов о кончине прусского Фридриха Вильгельма III, об отдельных событиях первой карлистской войны в Испании.[16]

Несмотря на свою загруженность, И. С. Аксаков находил возможность читать художественную литературу на разных языках. Очевидно, под влиянием брата Константина он увлекся немецкой романтической поэзией. Молодой человек тонко чувствовал нюансы языка — настолько, что, например, предлагал свои поправки к переводу оды Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude»; 1786), выполненному К. С. Аксаковым и переданному в феврале 1840 года Панаеву.[17] И. С. Аксаков любил и ценил поэзию вообще и творчество Шиллера в частности, хотел приобрести «подшивку» его произведений, но не находил. В сентябре этого же года он подписался «на маленькую библиотечку иностран<ных> писателей на немецком языке: по гривеннику книжка, с портр<етом> и биографиею автора». Среди прочих выпусков он особенно отмечал превосходный перевод поэмы шведского епископа И. Тегнера «Сага о Фритьофе» («Fritjiofs Sage»; 1825), который «совершенно передает северный угрюмый скандинавский характер».[18]

гие, да почти все, я думаю) часы были для меня исполнены более или менее наслаждения истинного». Далее он рекомендовал к прочтению сборник «Памятники российской словесности XII века», изданные К. Ф. Калайдовичем (1821), в частности, сочинения Кирилла Туровского, составившие бóльшую его часть (см.: Оп. 16. № 23. Л. 3 об.).

[11] Не скрывая эмоций, в письме от 10–11 августа 1840 года он делился своими чувствами с О. Сем. Аксаковой: «Увы! разочарование! Милая маменька, мечты отлетели, и пр<очее>. Стоглав оказался рукописью не XVII-го, не XVIII-го, а XIX-го века. Как-то посмотрели на бумагу против света, то оказалось сквозными буквами: 1818 г.!!!!!!!! Впрочем, каков же труд был списывать?» (Оп. 15. № 13. Л. 4).

[12] Вероятно, речь идет об издании: Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. СПб., 1767. Ч. 1. [Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года].

[13] Возможно, имеется в виду следующее издание: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767–1768. Ч. 1–2.

[14] См. письма И. С. Аксакова к О. Сем. Аксаковой от 10–11 августа 1840 года (Оп. 15. № 13. Л. 4) и к К. С. Аксакову от 21 апреля 1841 года (Оп. 9. № 7. Л. 3 об.).

[15] Пермское письмо Сперанского к Александру Павловичу (январь 1813 г.) / Сообщено Н. К. Шильдером; прим. П. И. Бартенева // Русский архив. 1892. № 1. С. 50–80.

[16] Подробнее см.: письмо И. С. Аксакова к Г. С. Аксакову от 19 ноября 1838 года (Оп. 16. № 15. Л. 2); письма Г. С. Аксакова к К. С. и В. С. Аксаковым от июля, а также 6 и 29 ноября 1836 года (Оп. 9. № 4. Л. 2 об., 6 об., 31 об.).

[17] Заметим, что Г. С. Аксаков, хорошо владевший немецким языком, также поправлял перевод брата в этом коллективном письме от 25 февраля 1840 года (Оп. 9. № 9. Л. 1–1 об.).

[18] См. подробнее в письмах Мих. С. и И. С. Аксаковых к родителям от 3 января (Оп. 12. № 42. Л. 7 об.) и 29 сентября 1840 года (Оп. 15. № 13. Л. 8).

«Впечатление сильное, но нисколько не тягостное» на И. С. Аксакова произвел роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers»; 1774), взятый в библиотеке училища для первого класса. В корреспонденции от 3 августа 1840 года будущий писатель делился с братом Константином: «...он доставил мне особого рода наслаждение. Конечно, или потому, что у нас голова слишком набита заранее приготовленными теориями, или по недостатку живой восприимчивости впечатлений, или оттого, что наш век не так, только чтение „Вертера“ не привело меня в такое состояние, в какое приводило молодых людей в то время, и если бы когда самоубийство могло прийти мне в голову, то, вероятно, не как следствие чтения Гетева романа. А хорошо! Понимаю, какую, именно тогда в Германии, оно могло иметь vogue (мода, популярность. — *фр.*)» (Оп. 9. № 7. Л. 2; ср. также письмо к матери, написанное в тот же день: Оп. 15. № 13. Л. 2). Еще одним произведением Гете, которое читал Аксаков, была трагедия «Гец фон Берлихинген» («Götz von Berlichingen»; 1773), популяризировавшая образ рыцаря с железной рукой (см.: Оп. 15. № 13. Л. 2).

Говоря о круге чтения писателя начала 1840-х годов, нельзя не упомянуть о произведениях М. Ю. Лермонтова, которые не оставляли равнодушным молодого человека. Он читал не опубликованную по цензурному запрещению поэму «Демон», находя в ней «много чудесных мест», и скопировал ее для отца (см. его письмо к матери от 10 ноября 1840 года: Оп. 15. № 20. Л. 9 об.), переписывал и стихотворения Лермонтова, не вошедшие в издание 1840 года. В письме к родителям от 17 апреля 1841-го И. С. Аксаков рассказывал: «...я достал их в училище и списал кой-какие, которые с первой оказией пришлю. Есть между ними „Парус“, который мне особенно нравится...». Далее следовал текст указанного произведения (Оп. 12. № 15. Л. 7 об.). Можно только предполагать, какое сильное впечатление произвело чтение «Паруса» на 17-летнего юношу, сколько вызвало размышлений, если спустя 18 лет именно это название он дал своей еженедельной газете.

Получив положительный отклик на «Парус» и очень обрадовавшись ему, Иван отправил родным тексты других стихотворений Лермонтова: «М. А. Щербатовой» («На светские цепи, на блеск упоительный бала...»), «Договор», «Графине Ростопчиной». Тексты он воспроизводил по памяти, делился своими суждениями об этих произведениях. В частности, в письме родителям от 26 апреля 1841 года замечал о «Договоре»: «Есть и другие его стихи, замечательные по одному направлению с „Героем нашего времени“», — и о пропущенных им строфах «М. А. Щербатовой», которые не мог вспомнить: «...знаю только, что рифмы „долин“ и „глазки“, это уменьшительное много портит» (Оп. 12. № 15. Л. 13). И. С. Аксаков высказался и об одной из частей «Героя нашего времени»: «„Княжна Мери“ мне не нравится. Характер Печорина (в котором отразился сам Лермонтов) кажется мне подлым, хотя *многие* и большая часть видят в нем только безнравственного человека...» (письмо Г. С. и И. С. Аксаковых к С. Т. и О. Сем. Аксаковым от 23 мая 1840 года: Оп. 12. № 10. Л. 5). Примечательно, что в рассмотренной корреспонденции практически не упоминается творчество Н. В. Гоголя, тогда как в семейной переписке часто встречается не только его имя, но и многочисленные отклики на произведения.[19]

Во время обучения братьев Аксаковых в Училище правоведения его воспитанники массово увлекались литературой, читали современные журналы, обсуждали прочитанное; передовые издания получали дядя Н. Т. Аксаков и семейство тетушки Н. Т. Карташевской. В переписке 1839–1841 годов упоминаются «Московский наблюдатель», «Галатея», «Отечественные записки», «Москвитянин» — на статьи и публикации в них начинающий писатель нередко откликался в своих посланиях. В марте 1839 года его класс задумал выпускать собственный журнал, «который, разумеется,

[19] Н. Н. Вихрова отметила, что в начале 1840-х годов в Училище правоведения «на смену пушкинского культа пришел культ Гоголя», однако И. С. Аксакова эта перемена не коснулась: он по-прежнему отдавал предпочтение Пушкину, и «пушкинское творчество находило в душе будущего правоведа и начинающего поэта самый живой отклик» (*Вихрова Н. Н.* Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова. С. 169–170).

не будет известен в других классах». Сам И. С. Аксаков считал, что издание «оборвется», потому что «никто не хочет писать статей, все ленятся». Товарищи просили и его подготовить что-нибудь, но юноша был критически настроен относительно своих способностей и сообщал родителям 14 марта: «Стихов я не пишу, повестей также. А какая-нибудь <...> *отвлеченная статья о праве* была бы не по вкусу. К тому же я чувствую, что я не могу совершенно совладеть с языком. Напишу сочинение, я чувствую, что я половину не высказал своих мыслей. У меня всегда не будет доставать гибкости и легкости в выражении и в слоге» (Оп. 12. № 15. Л. 6 об.). Брату Константину он признавался весной 1841 года: «На меня иногда находит большая охота писать, да, к несчастию, я не довольно хорошо владею пером и языком» (Оп. 9. № 7. Л. 5). В письме родителям ранее, 3 января 1840 года, стремясь трезво оценить себя, свои возможности, он объяснял: «...я вообще не люблю говорить лично кому-либо о своих скрытых мыслях и чувствах, потому что думаю лучше, нежели пишу и говорю, а пишу, полагаю, лучше, нежели говорю. Я так привык думать про себя и не говорить вслух свои внутренние мысли и чувства, что мне чрезвычайно трудно их выражать на словах» (Оп. 12. № 15. Л. 7 об.). Между тем для И. С. Аксакова имели значение не отвлеченные мысли, существующие «в голове только», но мысли как предвестники «великого труда», «предположения трудов», которые он хотел исполнить. Он считал, что «мысли гораздо более определяются, развиваются, просветляются — под пером, водимым пылким стремлением к цели, к совершению предназначенного труда», а пустая потеря времени приводила молодого человека в ужас: «...мне хочется многое поделать, многое начать и совершить. Я тогда только доволен вполне, когда моя деятельность умственная работает, когда дело кипит. <...> Мне страшно вообразить, что я проживу до 25 лет — и ничего не сделаю, ничего не совершу!» Потому он считал чтение книг не самоценным, но необходимым, хотя и мало значащим в оторванности от последующих практических шагов (см. письмо И. С. и С. Т. Аксаковых к О. Сем., О. Серг., К. С. Аксаковым; 6 октября 1840 года: Оп. 15. № 20. Л. 2 об. — 3).

Говоря о бездействии, о полной «приятностей» и искушений повседневности, в которой «труд — побочное занятие», юноша не теоретизировал, а опирался на конкретный, показательный для него пример — московский быт Аксаковых и жизнь брата Константина в семействе отца.

В исследованиях, посвященных славянофильству, имена К. С. и И. С. Аксаковых нередко упоминаются в тандеме, что, безусловно, является справедливым в масштабах изучаемой темы. Однако уже в конце 1830-х годов они вели различный образ жизни, имели непохожую манеру трудиться, и с этой точки зрения младший брат, при всех своих любви и уважении, смотрел на старшего как на образец, которому не следует подражать.[20] В послании к матери от 6 октября 1840 года он восклицал: «Сколько бы сделал Костя, если б не жил дома! Признаюсь, смотря со стороны и рассуждая — я бы не мог жить так, как он. По окончании года — я спросил бы себя: что я сделал? результат какой» (Оп. 15. № 20. Л. 3).[21] Эмоциональная, кипучая натура И. С. Аксакова требовала не «неопределенных наслаждений», а деятельности и, главное, в перспективе — ее завершенности.

К. С. Аксаков, в свою очередь, едва ли воспринимал брата всерьез, что естественно при разнице в возрасте почти в шесть с половиной лет и непоколебимом положении первенца в семье. Сохранилось ответное письмо от 23 апреля 1839 года, в котором младший брат буквально обрушивался на старшего, недвусмысленно высказавшегося в таком духе: «Плод преждевременного развития есть всегда пустоцвет». Пятнадцатилетний И. С. Аксаков горячо возражал: «От того ли мое развитие преждевременное,

---

[20] О юношеских пикировках и более поздних идейных спорах братьев см.: *Греков В.* Иван и Константин Аксаковы: диалог верований и спор идей // Острова любви БорФеда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб., 2016. С. 286–297.

[21] В послании к брату от 29 января 1839 года И. С. Аксаков буквально подталкивал его к активной работе: «Желал бы *видеть* твои труды по филологии, видеть исполненными уже твои мысли, написанными на бумаге, приведенными в систематический порядок, а [еще] не в голове» (Оп. 9. № 7. Л. 1).

что большая часть людей в моем возрасте получили слишком позднее развитие, были воспитаны в мысли: успокойтесь, вы еще дети! Простак может быть назван *относительно* дураков отъявленным умником. Так стало и мое развитие преждевременно *относительно*» (Оп. 12. № 14. Л. 4).

Подчеркнем, что все, сказанное выше, нисколько не умаляет значения, которое имел К. С. Аксаков в процессе мировоззренческого становления писателя. О том, что последний в 1840–1841 годах хорошо знал и разделял славянофильские убеждения брата, хотя не был всецело охвачен ими, может свидетельствовать его послание к старшему брату от 21 апреля 1841 года. В нем молодой человек рассказывал о встрече с В. Г. Белинским, состоявшейся в Петербурге в тот же день после длительного перерыва в общении. И. С. Аксаков был поражен тем, что увидел и услышал: «Белинский сидел и писал в отвратительном халате. <...> 8 месяц<ев> не видал я Белинского. Что это такое? Какая перемена! Он утверждает теперь, что Петербург — великий город (и это он излагает всё в статьях своих: Россия до Петра Великого, при Петре и после), что он *очеловечился* только в Петербурге, что Москву и Кремль надо жечь как следы нашей глупой старины, что только с Петра начинается наша история, и она в Петерб<урге>, что он познакомился теперь с действительностью и пр<очее>, и прибавь к этому — еще больной неистовый вид, самый грубый цинизм, самый площадный язык, который, у себя, к месту, имеет свою энергию, но гнусен до невероятности, когда им выражаются беспрестанно, и жизнь, которая, думаю, скоро будет походить на прежнюю, до его изгнания из Университета» (Оп. 9. № 7. Л. 3). И. С. Аксакова потрясла такая резкая «смена полюсов» во взглядах Белинского, тогда как для старшего брата это происшествие наверняка было очередным подтверждением произошедшего между К. С. Аксаковым и Белинским размежевания.

Идейное влияние на младшего брата заметно и в ученическом сочинении по русскому языку, озаглавленном «О возможности русским иметь народную литературу» — оно было написано И. С. Аксаковым, вероятнее всего, в конце марта — не позднее 7 апреля 1840 года. Как отметила Н. Н. Вихрова, в нем «отчетливо прослеживается солидарность с направлением мысли К. Аксакова, отраженным в неопубликованной статье, предназначавшейся, видимо, для „Московского наблюдателя“, — „О некоторых современных собственно литературных вопросах“ (1839), которая знаменовала его переход на позиции зарождающегося славянофильства».[22] Исследовательница также полагает, что в этой «статье» (сочинении) «можно явственно увидеть следы чтения Белинского» — его «молодой Аксаков в то время воспринимал не только как талантливого критика, но и как друга и единомышленника старшего брата».[23] Напомним, что до неприятного свидания, описанного выше, оставался целый год.

Находясь с 1838 года в Петербурге, И. С. Аксаков — в силу близости в возрасте и, что более вероятно, из-за сходства темпераментов и настроенности на образовательный результат, комфортно чувствовал себя с братом Григорием. Почти не встречаясь в училище, они регулярно проводили выходные и праздничные дни в доме Карташевских, вместе ездили в Москву на каникулы, кроме того — оба хорошо знали немецкий язык и любили немецкую литературу. Отчасти надеясь обрести независимость, начать брать уроки греческого языка на дому, И. С. Аксаков рассчитывал поселиться в квар-

---

[22] Цит. по: *Вихрова Н. Н.* Ранний критический опыт И. С. Аксакова. С. 174. Подчеркнем, что благодаря изучению семейной переписки Аксаковых удалось не только верно датировать источник, но и установить, что речь идет именно об экзаменационном сочинении, а не о критической статье, как предположила исследовательница. Данное уточнение является принципиально важным, так как мотивы их написания совершенно разные. Нужно признать, что И. С. Аксаков, несмотря на самолюбивый юношеский характер, в 1840 году был скромного мнения о своих способностях публициста и не стремился помещать критические суждения в каких бы то ни было изданиях. Примечательно, что заглавие сочинения сам Аксаков в письме от 7 апреля 1840 года назвал «глупым» (Оп. 12. № 34. Л. 1); принадлежало оно преподавателю русского языка в училище (1835–1852) П. Е. Георгиевскому, которого Г. С. Аксаков в послании к родным от 8 ноября 1836 года запальчиво провозгласил «ужасным дураком и оригиналом» (Оп. 9. № 2. Л. 5).

[23] *Вихрова Н. Н.* Ранний критический опыт И. С. Аксакова. С. 174.

тире, которую брат собирался найти после выпуска в 1840 году. Именно они стали свидетелями мучительной болезни, унесшей жизнь М. С. Аксакова, и именно им предстояло оповестить родителей о трагедии и последних часах младшего брата. Страшное потрясение не могло не сблизить их еще больше.[24]

Конечно, главным авторитетом для И. С. Аксакова в юношеские годы и на протяжении всей жизни оставался отец. Родители любили и уважали детей, старались развить заложенные в каждом способности и скорректировать недостатки. С. Т. Аксаков был «отцом и другом», мудрым и терпеливым. Замечая вспыльчивость и противоречивость И. С. Аксакова, идя навстречу его собственному нежеланию «оглашать свои чувства, которые могут быть поняты и вкось, и вкривь» (Оп. 12. № 15. Л. 7 об.; № 42. Л. 7 об.), он предложил сыну писать «особые» письма: «...ко мне *одному* — ответ будет к тебе же *одному*. Тут должна быть откровенность в полном развитии. Мне самому неприятно бывает, когда в твоих обыкновенных письмах, которые натурально читаются даже маленькими детьми, попадаются выражения твоего переходного состояния» (письмо от 9 января 1840 года: Оп. 3. № 11. Л. 3 об. — 4). Признавая «всю цену такого прекрасного юноши, как Иван», С. Т. Аксаков говорил о «ложном и мечтательном» в его рассуждениях о себе и своем предназначении, о глубоком самолюбии и гордости, которые лежат в их основе. Однако он также был уверен, что ошибочные убеждения молодости пройдут с годами (Оп. 15. № 20. Л. 5–5 об.).

Не поддержав предложение отца отправлять «особые» письма, которые могли создать атмосферу ненужной «секретности» и заронить подозрение, что именно последняя и «занимала» юношу,[25] И. С. Аксаков еще ранее, в начале января 1840 года, решил записывать «свои внутренние мысли и чувства», но «не делать журналом в пошлом значении» (Оп. 12. № 15. Л. 7 об.; № 42. Л. 7 об.). В результате уже через месяц с небольшим он отправил свой дневник отцу для сугубо личного ознакомления. Этот «журнал», в котором «молодой Аксаков пытается разобраться в себе, „разанализировать“ себя»,[26] и эпистолярное наследие семьи, безусловно, дополняют друг друга и должны рассматриваться исследователями в совокупности.

Итак, семейная переписка Аксаковых 1836–1841 годов содержит ценные свидетельства о взрослении и интеллектуальном становлении писателя в этот период, а также об обстановке, в которой они протекали. К моменту поступления в Училище правоведения в 1838 году И. С. Аксаков был хорошо образованным, начитанным юношей, обладавшим широким кругозором, проявлявшим способности к изучению иностранных языков и интерес к истории. В последующие годы он с еще большим рвением занимался языками и постоянно обращался к исторической литературе, в том числе к достаточно современной. Безусловно, чтение трудов, особенно посвященных Западной Европе и России, сыграло важную роль в будущем: оно дало твердую почву славянофильским воззрениям автора, способствовало формированию представлений об особенностях развития государств, обществ в разные исторические эпохи, которые и были положены в основу его историософских построений. Полученные в юности теоретические сведения по истории были значительно расширены в 1844–1856 годах, когда И. С. Аксаков много ездил по империи и лично наблюдал жизнь провинции,[27] а также во время заграничного путешествия 1860 года по западноевропейским и славянским землям.

---

[24] О схожести жизненного пути в молодые годы, крепких душевных и духовных связях, теплых взаимоотношениях братьев см.: *Пирожкова Т. Ф.* Два брата — две судьбы (Г. С. и И. С. Аксаковы) // Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни: Материалы III Всероссийской научно-практич. конф. Самара, 9 сентября 2022 г. Самара, 2022. С. 40–49, 58, 60–61.

[25] *Вихрова Н. Н.* Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова. С. 170.

[26] Там же. Необходимо отметить, что год создания дневника И. С. Аксакова также был уточнен благодаря семейной корреспонденции, ссылки на которую приведены выше. Вопреки уверенности и аргументам публикатора «журнала», он был написан не в 1841, а в 1840 году.

[27] Подробнее см.: *Пирожкова Т. Ф.* «Много я ездил по России...» // Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М., 1991. С. 5–26.

Список литературы

1. *Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964. Ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII в.
2. Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): Каталог / Сост. Д. Д. Гальцин, Г. Н. Питулько. СПб., 2016.
3. *Грассгоф Х.* Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963.
4. *Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой.
5. *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье / Пер. с нем. Д. С. Колчигина. М., 2021. Т. 1.
6. *Николаев С. И.* Смерть поэта в эпитафии и элегии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15.

References

1. *Berkov P. N.* Vvedenie v izuchenie istorii russkoi literatury XVIII veka. L., 1964. Ch. 1. Ocherk literaturnoi istoriografii XVIII v.
2. Biblioteka Feofilakta Lopatinskogo (ok. 1680–1741): Katalog / Sost. D. D. Gal'tsin, G. N. Pitul'ko. SPb., 2016.
3. *Grassgof Kh.* Pervye perevody satir A. D. Kantemira // Mezhdunarodnye sviazi russkoi literatury. M.; L., 1963.
4. *Kopanev N. A.* O pervykh izdaniiakh satir A. Kantemira // XVIII vek. L., 1986. Sb. 15. Russkaia literatura XVIII v. v ee sviaziakh s iskusstvom i naukoi.
5. *Kurtsius E. R.* Evropeiskaia literatura i latinskoe Srednevekov'e / Per. s nem. D. S. Kolchigina. M., 2021. T. 1.
6. *Nikolaev S. I.* Smert' poeta v epitafii i elegii XVIII veka // Okkazional'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka. SPb., 2010.
7. Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. M., 1989. Vyp. 15.

Екатерина Сергеевна Левшина

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Sergeevna Levshina

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0001-7031-0261

svoim4eredom@mail.ru

КРУГ ЧТЕНИЯ МОЛОДОГО И. С. АКСАКОВА (ПО НЕОПУБЛИКОВАННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ)

THE READING PRACTICES OF YOUNG I. S. AKSAKOV (BASED ON UNPUBLISHED FAMILY CORRESPONDENCE)

Статья посвящена малоизученному вопросу — раннему периоду жизни И. С. Аксакова и особенно проблеме формирования круга его чтения в юношеские годы. Реконструкция процесса взросления будущего публициста, формирования его личности, взглядов, литературных предпочтений становится возможной благодаря обращению к неопубликованной семейной переписке Аксаковых 1836–1841 годов. Она содержит ценные свидетельства об этом периоде жизни И. С. Аксакова, позволяет проанализировать источники, давшие твердую почву славянофильским воззрениям автора.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, Г. С. Аксаков, славянофильство, круг чтения, Императорское училище правоведения, В. Г. Белинский.

The article deals with an obscure issue, the early years of I. S. Aksakov, and in particular with the evolvement of his reading practices in adolescence. The reconstruction of the formative years of the essayist-to-be, shaping of his self and his literary preferences was made possible by the unpublished family correspondence of the Aksakovs' of 1836–1841. It features valuable evidence concerning I. S. Aksakov's life at the time and reveals the sources that subsequently informed his Slavophile mentality.

Key words: I. S. Aksakov, K. S. Aksakov, G. S. Aksakov, Slavophilia, reading practices, Imperial School of Jurisprudence, V. G. Belinskiy.

Список литературы

1. Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества: [В 6 вып., 12 ч.]. Уфа, 2010–2015.

2. Аксаковы: Библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / Сост. П. И. Федоров, С. В. Мотин. Уфа, 2017.

3. *Вихрова Н. Н.* Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2.

4. *Вихрова Н. Н.* Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2.

5. *Греков В.* Иван и Константин Аксаковы: диалог верований и спор идей // Острова любви БорФеда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб., 2016.

6. *Дмитриев А. П.* С. Т. Аксаков и его сыновья о вооруженном противостоянии России и Запада // Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция. Из архивных разысканий. СПб., 2023.

7. *Дмитриев А. П.* Училище правоведения начала 1840-х годов в свете итогов судебной реформы 1864 года (по переписке И. С. Аксакова и К. П. Победоносцева 1885 года) // Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция. Из архивных разысканий. СПб., 2023.

8. Иван Сергеевич Аксаков: Библиографический указатель (1836–2014) / Сост. П. И. Федоров, С. В. Мотин. Уфа, 2014.

9. Литература о семье Аксаковых (библиографический указатель за 1940–2017 годы) / Сост. Е. С. Корионова, П. И. Федоров. Уфа, 2017.

10. *Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016.

11. *Манн Ю. В.* Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М., 1992.

12. *Пирожкова Т. Ф.* Два брата — две судьбы (Г. С. и И. С. Аксаковы) // Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни: Материалы III Всероссийской научно-практич. конф. Самара, 9 сентября 2022 г. Самара, 2022.

13. *Пирожкова Т. Ф.* «Много я ездил по России...» // Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М., 1991.

14. *Тесля А. А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

References

1. Aksakov Ivan Sergeevich: Materialy dlia letopisi zhizni i tvorchestva: [V 6 vyp., 12 ch.]. Ufa, 2010–2015.

2. Aksakovy: Bibliograficheskii ukazatel' literatury o dvorianskom rode Aksakovykh i ego okruzhenii za 1819–2022 gody / Sost. P. I. Fedorov, S. V. Motin. Ufa, 2017.

3. *Dmitriev A. P.* S. T. Aksakov i ego synov'ia o vooruzhennom protivostoianii Rossii i Zapada // Sem'ia Aksakovykh: literaturnoe nasledie i grazhdanskaia pozitsiia. Iz arkhivnykh razyskanii. SPb., 2023.

4. *Dmitriev A. P.* Uchilishche pravovedeniia nachala 1840-kh godov v svete itogov sudebnoi reformy 1864 goda (po perepiske I. S. Aksakova i K. P. Pobedonostseva 1885 goda) // Sem'ia Aksakovykh: literaturnoe nasledie i grazhdanskaia pozitsiia. Iz arkhivnykh razyskanii. SPb., 2023.

5. *Grekov V.* Ivan i Konstantin Aksakovy: dialog verovanii i spor idei // Ostrova liubvi BorFeda: Sb. k 90-letiiu Borisa Fedorovicha Egorova. SPb., 2016.

6. Ivan Sergeevich Aksakov: Bibliograficheskii ukazatel' (1836–2014) / Sost. P. I. Fedorov, S. V. Motin. Ufa, 2014.

7. Literatura o sem'e Aksakovykh (bibliograficheskii ukazatel' za 1940–2017 gody) / Sost. E. S. Korionova, P. I. Fedorov. Ufa, 2017.

8. *Mann Iu. V.* Gnezda russkoi kul'tury: kruzhok i sem'ia. M., 2016.
9. *Mann Iu. V.* Sem'ia Aksakovykh: istoriko-literaturnyi ocherk. M., 1992.
10. *Pirozhkova T. F.* Dva brata — dve sud'by (G. S. i I. S. Aksakovy) // Nasledie sem'i Aksakovykh v russkoi kul'ture, otechestvennoi istorii i obshchestvennoi zhizni: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-praktich. konf. Samara, 9 sentiabria 2022 g. Samara, 2022.
11. *Pirozhkova T. F.* «Mnogo ia ezdil po Rossii...» // Aksakov I. S. Pis'ma iz provintsii. Prisutstvennyi den' v ugolovnoi palate. M., 1991.
12. *Teslia A. A.* Poslednii iz «ottsov»: biografiia Ivana Aksakova. SPb., 2015.
13. *Vikhrova N. N.* Pushkin v dnevnike molodogo Ivana Aksakova // Russkaia literatura. 1999. № 2.
14. *Vikhrova N. N.* Rannii kriticheskii opyt I. S. Aksakova // Russkaia literatura. 2011. № 2.

Елена Алексеевна Романова

независимый исследователь

Elena Alekseievna Romanova

Independent Researcher

ORCID: 0000-0002-6162-1383

zerlina@inbox.ru

Надежда Алексеевна Паршукова

независимый исследователь

Nadezhda Alekseievna Parshukova

Independent Researcher

ORCID: 0000-0002-7026-3856

iverskaya-nad@yandex.ru

«ПИКОВАЯ ДАМА» А. С. ПУШКИНА И «МАГНЕТИЗЕР» Э. Т. А. ГОФМАНА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ, РЕМИНИСЦЕНЦИИ, ПАРАЛЛЕЛИ

THE QUEEN OF SPADES BY A. S. PUSHKIN AND *THE MAGNETIZER* BY E. T. A. HOFFMANN: LITERARY ALLUSIONS, REMINISCENCES, PARALLELS

В статье проводится подробный сравнительный анализ «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и новеллы Э. Т. А. Гофмана «Магнетизер». Сопоставление на уровне сюжетных коллизий, проблематики, персонажей и отдельных образов позволяет увидеть множественные переклички, параллели и совпадения между двумя произведениями. Благодаря этому заметно усложняется образ Германна, новое осмысление получает тема животного магнетизма, проясняется ряд «темных мест» повести. В итоге трактовка пушкинского шедевра приобретает дополнительные смысловые оттенки.

Ключевые слова: «Пиковая дама», «Магнетизер», Гофман и русская литература, образ Германна, животный магнетизм, романтизм первой половины XIX века.

The article offers a detailed comparative analysis of A. S. Pushkin's *The Queen of Spades* and E. T. A. Hoffmann's *The Magnetizer*. The two works, examined in terms of their storylines, thematic elements, characters, and select images, feature numerous similarities, parallels, and coinci-